

Ян Вэньян вернулся в Сад камелий уже когда готовились подавать ужин. Вошел он во внутренние покои быстро, сияя радостной улыбкой и едва ли не сочась желанием рассказать то, что вызнал. Ли Инчунь в этот час вместе с Юань Яо сидел за рабочим столом и читал: книга в его руках была недавним сборником сочинений с императорского экзамена. Читал это господин Ли уже некоторое время, а Юань Яо и Фэнцзи, находящиеся рядом, наблюдали за ним, отложив все свои дела: на иных сочинениях Ли Инчунь поднимал брови в выражении пренебрежительном; на других коротко улыбался; а третьи одаривал взглядом таким холодным, что авторам впору было разломать каллиграфические кисти на множество кусочков и проглотить их.

Заметив вернувшегося даоса, Ли Инчунь со вздохом отложил книгу к разочарованию своих зрителей. Голос его от долго молчания стал глухим:

— Что удалось выяснить даочжану?

— Господин Ли, я узнал многое, но только вы сможете помочь мне это понять! — взволнованно сказал Ян Вэньян приблизившись и сев по другую сторону стола. После раскрытия тайны о проклятье он стал еще более непосредственным и теперь будто вовсе не старался соответствовать присущему старцам отрешенному облику.

Юань Яо взглянул на него со странным выражением:

— Даочжан что-то выводил?

— Это внутренние дела поместья, — вместо Ян Вэньяна сказал господин Ли. — А-Яо, мы закончили на сегодня, ты можешь идти.

— А давно ли ты стал частью внутреннего двора? — спросил Юань Яо, но больше спорить не стал и, поднявшись, ушел. Фэнцзи проводила его до ворот и отправилась на кухню, чтобы принести воды, а в комнате даос Ян рассказывал:

— Госпожа Цзинь служит матушке Сяоху уже много лет, она еще из родительского дома пришла за своей госпожой, когда та вышла замуж за генерала Фэна. Матушка Сяоху хотела отпустить госпожу Цзинь, когда той исполнилось двадцать пять, и дать ей столько приданного, сколько та смогла бы унести — а госпожа Цзинь, надо сказать, женщина видная, и несколько сундуков утащить бы точно смогла! — но та отказалась. Для нее служение своей госпоже самое важное, что может быть на свете. Все слуги в поместье ее любят, поскольку несмотря на любовь матушки Сяоху она не зазналась и не возомнила себя второй хозяйкой. Госпожа Цзинь каждому готова помочь и каждого выходить: в одну зиму она нашла на улице замерзающую бродяжку и воспитала ее как родную дочь: та теперь служит молодой госпоже Баочжай...

— Ты мне ее славить пришел, или делом заниматься? — не выдержал наконец господин Ли. — Пора ли этой женщине строить храмы и возносить молитвы?

— Я перехожу к делу! — отозвался даос Ян, надув щеки: с нынешним его старческим лицом это выражение вышло крайне отталкивающим. — Так вот, госпожа обладает положением особенным, а оттого боится рассказать кому-то о своих бедах, думает, что ее начнут меньше уважать. Но мне удалось ее разболтать — она сочла меня себе ровесником! Госпожа Цзинь рассказала, что у нее не ладятся числа в доходах магазинов, что принадлежат семье Фэн: она занимается ими вместе с управляющим. Я смог ей помочь и теперь бумаги в порядке!

— И все? — спросил господин Ли. Ян Вэньян растерялся:

— А что кроме? Вы же сказали — помочь...

— Суть была не в помощи, а в том, чтобы поглядеть, что происходит рядом с ней. Кто-то к ней заходил, пока вы смотрели записи?

— Приемная дочь заходила, — ответил даос Ян и нахмурившись, начал вспоминать. — Сказала, что госпожа Баочжай отправила их отдохнуть и вернуться они должны только к ужину.

Взглянув за окно, Ли Инчунь уточнил:

— Когда это было?

— Почти перед самым моим уходом.

В этот момент в комнату с кувшином из белоснежного фарфора вернулась Фэнци: она заметила, как господин Ли поднимается с места и поспешила подойти, чтобы подать ему трость. Девушка спросила:

— Куда вы, господин? Скоро подадут ужин, обождите пока с делами.

— Нет, теперь самое время, — сказал Ли Инчунь и кивнул Ян Вэньяну. — Пойдешь со мной. А ты, — он взглянул на Фэнци. — Оставайся тут: если кто будет спрашивать, я во внутренних покоях, занят.

Так, оставив недоумевающую служанку в комнатах, господин Ли и Ян Вэньян покинули Сад камелий. Даос Ян считал, что теперь Ли Инчунь захочет сам переговорить с госпожой Цзинь — но тот, неожиданно выйдя за ворота двора, направился сразу же к двери в Бамбуковый сад, и решительно открыл ее. Оказавшись внутри, господин Ли показал даосу Яну знак быть тише.

— Что мы тут ищем? — шепотом спросил Ян Вэньян и Ли Инчунь ответил:

— Помнишь вы с даочжаном Чжунчу мне рассказывали, как искали в саду котенка?

— Да, — тряхнул седой бородой даос Ян.

— Вы тогда наткнулись на барышню Баочжай, но кроме ее голоса ты ведь слышал еще что-то?

— Я в этом не уверен, потому не стал говорить, — смущенно отозвался Ян Вэньян. — Барышня нам тогда сказала, что гуляет одна и разговаривает сама с собой, но я слышал второй голос и он точно был мужским... — даос Ян нахмурился и невольно повысил голос: — Но откуда вам об этом известно?!

— Тише, — предупредил Ли Инчунь. — Расспросил даочжана Чжунчу. Ты хорош в счете, а он запоминает все, что бы не увидел: вот и запомнил, как ты хотел его и Сижэнь одернуть от разговора с барышней Баочжай, а после застеснялся.

Даос Ян был поражен. В большей мере даже собственным соучеником, чем господином Ли. За время, проведенное с ним, Ян Вэньян привык, что Ли Инчунь справляется со всем, за что берется, и любое начинание у него удачное, но то, что находящийся будто с самого рождения рядом Чжунчу Чэн обладает некоторыми удивительными способностями... Для даоса Яна это было схоже с тем, как если бы глупая рыба вдруг принялась читать стихи — подобные мысли невероятно явственно в один миг отразились на его простом лице.

Между тем двое тихо продвигались по саду и вскоре вновь со стороны, где располагалась

уединенная беседка, слышались приглушенные голоса. Ли Инчунь не обладал слухом заклинателя, потому понял это лишь по выражению лица Ян Вэньяна, которое в один миг вдруг стало небывало серьезным. Уже стемнело и ночная чернота словно листья легла на облетевшие кусты и деревья, надежно скрывая то, что легко разглядеть можно было бы днем: но было понятно, что в дальней беседке прячутся двое. Господин Ли остановился в некотором отдалении от нее, понимая, что дальше бесшумно пройти не сможет. Помолчав несколько мгновений, он вдруг громко сказал:

— Барышня Баочжай, можно переговорить с вами?

Тут же все звуки в беседке замерли, а после послышалась возня и шорох. Господин Ли и Ян Вэньян переглянулись, а после зашли в беседку — Фэн Баочжай там была уже одна. Она была одета в теплый плащ с капюшоном, а руки прятала в меховую муфту. При взгляде на нее невольно появлялся вопрос: зачем вовсе надо было выходить из комнат, если так боишься холода?

Взгляд девушки был растерян, но тверд.

— Господи Ли?.. — быстро сопоставив факты, спросила она. Посмотрев на даоса за спиной Ли Инчуна, Фэн Баочжай спросила: — Зачем вы здесь?

— Искал вас, — отозвался Ли Инчунь и, не спрашивая позволения, вошел в беседку, опустившись на лавку у входа. Раненая нога его ныла, потому более стоять он не мог.

От подобной вольности человека, что был просто гостем старшего брата, Фэн Баочжай не нашлась в первый миг, что ответить. Она торопливо отсела от Ли Инчуна подальше, а взгляд ее сделался суровым.

— Господин Ли, брат пригласил вас в поместье, но мы не знакомы, потому неприлично сидеть нам тут вместе. Если желаете поговорить, то вы всегда можете прислать кого-то в мой двор.

— Это вы говорите после того, как вас поймали на тайном свидании? — вскинул брови господин Ли. Кровь отлила в один миг от лица Фэн Баочжай и показалось будто холод, что с приходом темноты стал еще неистовее, сжал самое ее сердце. Тем не менее, девушка ответила:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Зря упираетесь, — сказал Ли Инчунь. Он указал на даоса Яна: — Видите этого человека? Он слуга Пятого принца и заклинатель из цзянху. Пусть ваш любовник сбежал, найти его для даочжана Яна не составит труда.

Ян Вэньян на самом деле не был так уверен в своих силах, ведь до прихода сюда ему никто не говорил, что за вторым человеком следует следить — потому на миг он растерялся. Тут же, впрочем, даос Ян понял, что господин Ли просто запугивает Фэн Баочжай, и внутренне выдохнул, стараясь ничем не показать истинного положения дел. К его счастью в беседке было достаточно темно — свет дарила лишь единственная лампа, стоящая на пустом столе, — а Фэн Баочжай была еще слишком молода, чтобы разбираться в чужих выражениях и словах, потому она безоговорочно поверила Ли Инчуню. Миг на лице девушки отражалась борьба и сомнение, а после она опустила взгляд.

— Как вы узнали? — тихо спросила она.

— Вас видят тут уже не первый раз, даос Ян слышал мужской голос, да и слуг вы отпускаете

так часто, что, кажется, виной тому не простая добросердечность, — сказал господин Ли и, подумав, добавил: — Да и своим вопросом вы только что во всем сознались.

— Я!.. — воскликнула девушка, но тут же вновь потупила взгляд и на бледных ее щеках рассыпался персиковый румянец. — Что бы вы не думали, но это не просто свидания, я люблю этого человека и он любит меня. Реши вы рассказать брату или бабушке, это все равно не изменится!

— Зачем мне это, — пожал плечами господин Ли и тут же кивнул сам себе. — Однако, раз вы упомянули лишь Фэн Жуна и матушку Сяоху, наложница Чжоу, выходит, о положении дел знает?

Фэн Баочжай побледнела снова: как так выходило, что она сказала лишь пару фраз, а выдала уже все, что могла? В душе ее от этого осознания появилось ужасное неприятное чувство, будто по подолу дорогого платья скребли кошки — девушка в душе решила, что лучше будет молчать до конца.

Эта непримиримость точно отразилась на ее лице, и Ли Инчунь невольно ухмыльнулся. Фэн Баочжай была молода, поместье было не таким уж и большим, и из ее ровесников тут были только слуги. Неудивительно, что у барышни появилась интрижка. Что до девушки, что до этой ситуации Ли Инчуню не было никакого дела, потому, чтобы более не смущать Фэн Баочжай, он лишь сказал:

— Передайте наложнице Чжоу, чтобы больше не вмешивалась в дела, что ее не касаются, и не пытались мешать мне или молодому господину. Пусть живет себе тихо в Саду грушевого аромата — и все будет замечательно.

Сказав так, господин Ли поднялся и ушел в сопровождении даоса Яна. Баочжай следила, как, прихрамывая, но держа голову неизменно высокомерно вздернутой, Ли Инчунь удаляется, а рядом с ним, отставая в проявлении почтения на шаг, следует даос Пятого принца. Со стороны казалось, что оба они действуют как единое целое, непонятное, несокрушимое — на деле же Ян Вэньян недоумевал не менее, чем оставленная в беседке девушка. С трудом дождавшись, пока они отойдут на достаточное расстояние, даос Ян поравнялся с господином Ли и, склонившись к нему, с волнением спросил:

— И все?

— А что еще? — спросил Ли Инчунь. — Ты желал побить эту девушку, или сделать что-то кроме? Не забывай, по отцу она родная сестра молодому господину.

— Что? Нет! — возмутился даос Ян, невольно повысив голос. — Но разве через нее вы не должны были припугнуть наложницу Чжоу, которая отравила нашего молодого господина?

Господин Ли посмотрел на своего спутника своими яшмовыми глазами и в выражении их Ян Вэньян увидел снисходительное раздражение. Юноша спросил:

— По-твоему наложница Чжоу идиотка? — и тут же, не дожидаясь ответа, он продолжил: — Любой, кто хоть немного знает жизнь в поместье, сразу же заподозрит в болезни молодого господина ее. С чего ей так подставлять себя? Чтобы завладеть властью в поместье и отдать титул своему сыну? Он пока даже не подвязал волосы, а она безродная простолюдинка — у семьи Фэн не осталось сильных покровителей, Фэн Сяолин вряд ли стала бы помогать ей, потому титул просто вернулся бы к Императору. Никому от этого не было бы пользы.

— Но... тогда я не понимаю, — честно признался даос Ян.

— Лучше всего для наложницы Чжоу было бы, если бы Фэн Жун сильно провинился перед Императором и оказался понижен в должности. Тогда титул остался бы за семьей Фэн и, когда Фэн Диши оказался бы при дворе, своими заслугами он бы смог добиться милости Императора и получить его.

— Зачем мы тогда говорили с Фэн Баочжай? — спросил Ян Вэньян.

— У наложницы Чжоу нет амбиций, что затмили бы собою небо, но некоторые все же имеются, — пояснил Ли Инчунь. — Пока молодой господин болен, мы можем уповать лишь на божественные руки лекаря Линя, но также и напомнить наложнице, что есть некоторые секреты, раскрытие которых ей бы лишь повредило. Она знает о романе своей дочери и помогает ей скрывать его: теперь, когда знаем и мы, она будет осторожнее. Когда молодой господин придет в себя, ему не нужно будет больше волноваться об этом.

Даос Ян больше ничего не спросил: он чувствовал, что они сделали нечто важное, но при этом не сделали ничего. Неимение возможности прямо сейчас взглянуть на результат своих стараний путало и раздражало заклинателя, в тренировках или сражения он привык к совершенно другому. В молчаливой задумчивости, которая на лбу Ян Вэньяна рисовала словно сеть паути морщины, молодые люди дошли до Сада камелий. Едва они вошли, как из внутренних покоев показалась Фэнцзи и с волнением, тихим голосом сказала:

— Господин Ли! К вам пришли, давно уже ждут!

— Разве я не просил никого не пускать? — изогнув бровь, спросил Ли Инчунь, но девушка тут же замотала головой:

— Тут я отказать не смогла — сами взгляните!

Заинтересованные, Ян Вэньян и Ли Инчунь тихо приблизились к высокому окну внешней комнаты. Оно было немного открыто и в образовавшуюся щель становилась видна часть комнаты. В наступивших сумерках расписная ширма на отбрасывала рабочий стол густую, словно тушь, тень, и статуэтки и предметы для учебы на открытых полочках казались таинственными приспособлениями. Полог из нефритовых бусин, закрывавший вход во внутренние покои, теперь полностью слился со стеной, а мягкий свет ламп в таинственной тихой атмосфере с особенным почтением оглаживал лишь высокую фигуру, замершую на низкой кушетке в центре комнаты. Темные одежды мужчины были плотно запахнуты, но для нынешних холодов он все равно был одет слишком легко: впрочем, из-за медовой кожи казалось, словно изнутри его идет жар, согревая собою весь Сад камелий.

— Это слуга Первой принцессы, самый приближенный, — свистящим шепотом рассказала Фэнцзи, вглядываясь в фигуру сянбийца. — Молодой господин рассказывал, что он сын служанки сянбийской наложницы, потому рос рядом с Ее Высочеством, и она почитает его как брата. Во дворце никто не смеет ему сказать лишнего слова, а уж личным визитом едва достаивались несколько домов, и он всегда сопровождал Ее Высочество! А тут пришел один, к нам!

— Думаешь, принес дурные вести? — спросил Ли Инчунь и Фэнцзи, не сдержавшись от охватившего ее волнения, выругалась:

— Вороний ваш рот! Наш господин и так при смерти, а в поместье интриг словно в змеином гнезде — куда вестей еще дурнее?!

Господин Ли взглянул на нее и подивился: Фэнцзи определенно была самой верной из служанок Фэн Жуна, но отчего она так хотела его свести в могилу? Этому в самом деле не было объяснения.

Ян Вэньян между тем спросил тоже:

— Думаешь, он пришел поквитаться? — тут же даос прикинул: — Молодой господин каждый день виделся с Первой принцессой, но тут заболел: вдруг она думает, что он притворяется, потому как потерял к ней интерес, и послала своего слугу, чтобы наказать обидчика? Лишь бы дело не дошло до драки!

— Тебе-то что? — не выдержав, спросил господин Ли. — Разве может быть слуга из дворца сильнее заклинателя?

— Он сянбиец, — сказал Ян Вэньян так, словно это многое должно было объяснить. Видя непонимание на лицах спутников, он со знающим видом пояснил: — Их искусство не сильнее техник Центральных равнин, но оно непонятное и страшное, потому сражаться с ними трудно. Несколько лет назад случилось так, что воин из варваров вызвал на бой главу одной известной в цзянху школы — и на глазах многих важных людей победил его, сбросив с вершины горы! О главе долгое время ничего не было известно!

Ли Инчунь поднялся и, опираясь на трость, последовал в покои. У него не было столько времени, чтобы слушать небылицы впечатлительного юнца. У двери на миг замерев, господин Ли в следующий миг распахнул ее и тут же встретился взглядом с Яо Хуэем, поднявшим к вошедшему взгляд. Мужчина встал и склонил голову в знак приветствия. Голос его был низким и бархатистым, а слова перетекали с языка на губы словно раскаленные пустынным солнцем песчинки.

— Господин Ли, — сказал Яо Хуэй. — Этот слуга много слышал о вас и рад наконец познакомиться лично.

— Да, у нашего молодого господина есть привычка болтать обо всем на свете без умолку, — проходя в комнату, сказал Ли Инчунь. По одежде и речам сянбийца он быстро понял, что эта встреча тайная, потому не стал утруждать себя этикетом и сел в кресло, тяжело вытянув больную ногу. — Чем наше тихое поместье обязано вашему визиту?

Вслед за господином Ли в комнату вошли даос Ян и Фэнцзи, и, услышав его слова, невольно испытали чувство, будто происходит что-то неправильное. Ли Инчунь говорил так, словно он этим поместьем и управляет — что было правдой, но правдой неприятной.

Яо Хуэй улыбнулся и опустил обратно. Плавным движением он запустил руку себе за пазуху и, достав оттуда сверток темной бумаги, в какую заворачивали лекарства, положил на столик перед собой.

— Это передала Ее Высочество, — сказал мужчина. — Ей доложили о состоянии молодого господина Фэна, и она желает, чтобы он скорее поправился.

Фэнцзи за спиной Ли Инчуня тихонько выдохнула: все же Первая принцесса не злилась. Подобным поступком она явно выказывала свое расположение, пусть даже ей пришлось отправлять лекарство тайно через своего слугу, в обход Императора и Вдовствующей императрицы.

— Ее Высочество очень добра, — сказал господин Ли. — Что это за лекарство?

— Драконьи кости, — не смутившись чужой прямолинейности, рассказал Яо Хуэй. — Ее Высочество не смеет думать, что поместье Фэн стеснено в лекарствах, но все же взяла на себя смелость отправить молодому господину кое-что из своих личных запасов.

— Ее Высочество добродетельна... — начал было господин Ли, но Яо Хуэй неожиданно перебил его: он говорил все так же мягко и тихо, но в один миг будто невозможно стало сказать слово против.

— ...у Ее Высочества так же есть одна просьба.

Фэнцзи и Ян Вэньян боязливо замерли, готовясь к самому худшему, а Ли Инчунь, не меняясь в лице, спокойно спросил:

— Чем мы можем угодить Первой принцессе?

Склонив голову так, чтобы не видно было выражения его глаз, Яо Хуэй ответил:

— Ее Высочество добросердечна и заботится о каждом своем приданном, словно о родном брате или сестре. Услышав о болезни господина Фэна, она сделалась печальной, лишилась аппетита и сна. Правила запрещают ей покидать дворец, чтобы навестить молодого господина, потому она попросила меня взглянуть на него. Надеюсь, господин Ли мне в этом поможет?

Ли Инчунь задумался лишь на мгновение:

— Конечно. Господин Фэн мучается жаром и редко приходит в сознание, но если хотите посмотреть на него — я не буду мешать. Фэнцзи, — девушка тут же сделала шаг к Ли Инчуню. — Проводи нашего гостя через заднюю дверь.

Служанка выглядела недовольной, она чувствовала, что просто смотреть на Фэн Жуна теперь, когда он очень болен — неправильно, но спорить не стала. Ей и самой хотелось навестить его, пусть и в компании молчаливого и пугающего сяньбийца. Когда двое покинули комнату, Ян Вэньян спросил:

— Все ли будет хорошо?..

— А что может случиться? — ответил господин Ли. Усталость прошедшего дня сказывалась на нем, потому веки стали тяжелыми, а все тело — неловким. Себе под нос легкомысленным тоном юноша пробормотал: — Жаль, что наш молодой господин обладает древней фамилией: иначе даже в болезни взглянуть на его лицо выстроилась бы целая очередь — можно было бы заработать много серебра...

Маленький театр:

Фэн Жун: Что за разговоры, я еще здесь!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1734206>